

Прим. пер.: как я уже упоминал, в английском тяжело судить о поле, без упоминания местоимений "he" и "she". В дальнейшем, т.к. уже раскрыта личность Ивар Лодбрук, ГГ будет обращаться к вампиру в женском роде. Вампир же в свою очередь будет отвечать в мужском роде, все-таки Ивар Лодбрук уже давно в этом теле, и привыкла вести себя соответственно, плюс она сейчас в шоке.

-Мне нет дела до твоего старого тела. Я просто беспокоюсь за девушку, чье тело погребено под холодным заснеженным полем, раздираемым метелями...

-...

-Ах, я действительно волнуюсь. Боюсь, что внезапно могут появиться волки, которые оторвут ее несчастные конечности. Или, кто знает, вдруг там появятся отвратительные горные разбойники, которые станут насиловать её тело как им вздумается. Вот так. Ну, к примеру, если я вдруг дам им небольшой сигнал.

Я щелкнул пальцами.

-Существует вероятность того, что будет послан определенный магический сигнал, который обрушит большое несчастье на хрупкое девичье тело. Как небольшой вскрик может стать причиной масштабной лавины. Глава, не стоит так сильно беспокоиться. Можешь не смотреть на меня такими испуганными глазами. Я просто показываю варианты.

Тело Ивар Лодбрук безмерно тряслось.

Пора бы уже было прекратить относиться к ней с безынтересным полууважением.

-О, жалкий вампир. Ты, наверное, была в ярости при мысли, что Лазурит предала тебя? "Давайте растопчем того ребенка, что посмел показать мне свои клыки". Так ты решила? Аах, Лодбрук. Мой бедный друг.

Я рассмеялся.

-Ты совершенно неправильно все поняла. Ты ошиблась. Лазурит не охотилась на меня. Конечно, это дитя достойно восхищения, но разве способна она спланировать настолько великолепную комедию...?

Я охотился на нее.

Я дружелюбно прошептал на ухо Ивар Лодбрук.

-С самого начала и до конца, все это было глупым недоразумением. Лазурит клялась тебе в верности. Но она ведь умный ребенок, и прекрасно понимала, что если она вернется в фирму, то ей придется искупать вину от ложного обвинения. Если не эта девушка – действительно несчастный человек, то я не знаю, кто еще может им быть. Из-за одной долбанной летучей

мышь, которая жила своей жизнью, считая себя гением, этой девушке не пришлось бы становиться изгнанником.

Дрожь Ивар Лодбрук стала неистовой.

Я мягко положил руку на плечо своего собеседника.

-Благодаря твоему ошибочному предположению, я сумел избежать некоторых проблем. Лазурит замечательный ребенок. Я благодарен тебе.

-Что... что Ваше Высочество хотите от Вашего покорного слуги...?

-Ох. Всего лишь небольшую услугу.

Я крепко сжал плечо Ивар Лодбрук.

-Я действительно не выпускал Черную Смерть. Все что тебе нужно, это сообщить эту правду. Вот и все.

Не предоставлять доказательство, которое сделало бы убедительным заявление Пеймон.

Такой смысл несла эта угроза.

-Ну... разумеется, иногда ты будешь моей марионеткой. В конце концов, это цена поражения. Глава. Буду честен. Я не собираюсь лицемерить, говоря тебе приятные слова, заверяя тебя, что отныне, ты не будешь знать горя, что все в порядке, и ты можешь расслабиться. Не кажется ли тебе, что подобное лицемерие было бы невежливо?

-...

-Многое изменится.

От самых твоих костей.

-Я так же сделаю тебе много предложений, от которых ты не сможешь отказаться, и ты, на самом деле, будешь не способна отвергнуть ни одно из них. Иногда, ты будешь испытывать чувство стыда, будешь чувствовать себя не человеком, но зверем, пойманным в свинарнике.

Вверх по позвоночнику.

-Время от времени, ты будешь проявлять бунтарский дух и противиться мне. Сказать, как я буду реагировать на это? Ох, я не убью тебя. Правда. Я даже не стану тебя бить. Даю тебе слово. Все, что я сделаю...

До твоего черепа.

-Лишь сорву волосы с твоего реального тела.

Все подчинится мне.

-Я заберу не много. Каждый раз, когда ты станешь сопротивляться, я сорву лишь прядь волос. Так, лишь игриво. Вот и все. Как насчет такого? Смогла ли ты прочувствовать, насколько я великодушен?

-...

-Высоко ценя твое прекрасное лицо. Дерг, дерг, дерг, дерг... дерг.

Со звуком "фуу", я подул ей в ухо.

Ивар Лодбрук дрожала как осиновый лист.

Вот почему, я не могу перестать наслаждаться, угрожая другим.

-Хм. С нетерпением жду того дня, когда ты восстанешь против меня. Сгораю от нетерпения. Но я с этим смирюсь. С удовольствием подожду. В конце концов, у меня огромный запас терпения. В связи с этим, можешь вздохнуть свободней.

Ивар Лодбрук стиснула зубы.

-Ваш покорный слуга... не станет никому присягать.

-Даже лучше.

Я слегка похлопал Ивар Лодбрук по плечу.

-Воспользуйся этой возможностью набраться опыта.

-...

-Знаешь, люди должны учиться, даже если они стары. Если кому-то становится лень заниматься своим образованием, то он опомниться не успеет, как превратится в неудачника. Человек всегда должен заботиться и дорожить своим телом. Ты так не считаешь?

Ивар Лодбрук не могла ответить.

Если все было именно так, то я бы поверил, что моя искренность смогла преодолеть языковой барьер, разделявший нас. Общение такое трудное. Как по мне, довольно печально быть вынужденным прибегнуть к угрозам, чтобы заставить других людей уважать меня. Когда Эдип выколол свои глаза, он, наверное, был не так печален, как ныне я.

Прим. пер.: автор, от лица ГГ, прибегает к гиперболам, используя сильные метафоры. Советую

погуглить об Эдипе, чтобы понять, что здесь имелось в виду, сам же ограничусь лишь тем, что Эдип был печален не от того, что ему пришлось выколоть свои глаза, напротив, свои глаза он выколол от отчаяния.

Я выпрямил спину.

Затем, повернувшись, я обратился к судье, Марбасу:

-О, достопочтимый Марбас. Наш разговор окончен. С моей стороны более не будет никаких возражений, при проведении Вами процедур слушания.

-Хорошо. Пеймон, теперь, ты можешь доказать подлинность своего обвинения.

Слушание возобновилось.

Пеймон, с уверенным голосом, обратилась к Ивару Лодбруку.

-Поняла. Лодбрук, прошу, покажи доказательства.

-...

-Лодбрук?

Пугающая тишина сохранилась.

С того момента, Ивар Лодбрук так и не поднял своей головы. Пеймон несколько раз называла его имя, но по-прежнему безответно. От неожиданного молчания, на лице Пеймон появилась паника. По мере того, как молчание продолжалось, ее недоуменное состояние передалось людям вокруг нее, пока в конце концов, весь зал не оказался окутан странной тишиной.

Наконец, Ивар Лодбрук произнес:

-... заявление Ее Высочества Пеймон является ложью.

Тихо.

Невероятно тихо.

Зал был спокоен не потому что все поняли комментарий Ивара Лодбрука. Все было как раз наоборот. Зал был спокоен, потому что никто не понял, что Ивар Лодбрук только что сказал, поэтому, не было и реакции.

-Что ты сказал...

Таким образом, первые раздавшиеся слова были не словами понимания, но вопросом.

-Что ты только что сказал?

-Ваш покорный слуга... Сказал, что не может представить доказательства, запрошенные Ее Высочеством Пеймон.

-Что ты пытаешься сказать... Лодбрук, ты что, спятил!? - взревела Пеймон.

Тишина опустившаяся на зал была быстро разрушена. Как на спокойном пляже, когда прилив внезапно сменяется цунами, на зал обрушилась ярость Пеймон. Гордость уже давно была смыта ее приливами с лица Пеймон.

-Ты сказал этой даме! Что Данталиан был виновником появления чумы, а эта девка, по имени Лазурит, была той, кто распространил Черную Смерть! Своим дрянным языком, ты пытаешься высмеять эту даму!?

-... Прошу прощения. Ваш покорный слуга не понимает, о чем говорит Её Высочество Пеймон. Разве последний раз, когда мы встречались друг с другом лично, был не около десяти лет назад?

Как прекрасно.

С мягкой улыбкой, я наблюдал за их ссорой.

Было что-то в том, как люди постоянно перекладывают ответственность друг на друга, что трогало меня до глубины души. Ох, мне и правда не стоит жить с другими людьми. Да, напроць запереть себя и провести остаток моих дней в углу своей комнаты действительно было правильным способом образом жизни. Это напомнило мне о об одном виде жизненных уроков.

Ты ведь тоже смотришь на это, не так ли, Лазурит? Я обещал, что покажу тебе величайшее цирковое представление во всем мире. С одной стороны, высокоблагородная Владыка Демонов 9-го ранга, а с другой, богатейший человек в мире демонов. И тем не менее, все, к чему пришли эти двое, было лишь перекладывание ответственности друг на друга.

Я решил посвятить это величайшее сценическое выступление тебе, той, кто жила своей жизнью, будучи несправедливо гонимой, потому что ты была изгоем. Наслаждайся им. Я специально не стал брать денег за постановку и режиссуру этого спектакля. Как бы я ни выглядел, если я делаю что-то для своих подчиненных, то я делаю это экстравагантно.